

УДК 17.177

ЛИЧНОСТНОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ В ПРАКТИКАХ МОБИЛЬНОСТИ

Е.А. Евстифеева, С.И. Филиппченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Дается обоснование того, что молодежь, живущая в практиках мобильности и эпохальном явлении глобального терроризма, не разделяет традиционно принятые в российском обществе представления о таких высших в иерархии личностных ценностях, как духовно-нравственные. Сегодня для личностного конституирования мобильность предстает как наличие волевой установки, внутренней готовности к трансформациям с помощью технологий, рефлексивной способности к ускоренной коммуникационной интерактивности. Такого рода мобильность обеспечивают такие личностно-когнитивные качества, как рефлексивность, доверие к себе и другому, толерантность к неопределенности. Синергия этих субъектно-личностных качеств формирует ценностную установку мобильности. Авторы приходят к выводу, что личностное конституирование, формирование самоидентичности молодежи в высшей школе, понимаемой как практика мобильности, «заточены» на особые когнитивно-личностные качества.

Ключевые слова: *практики мобильности, студенческая молодежь, конфигурация когнитивно-личностных качеств, духовно-нравственные ценности, рефлексивность, доверие, толерантность к неопределенности.*

В настоящее время социальное явление терроризма сопровождает нашу повседневную жизнь, поэтому правомерно заявить, что мы живем в эпоху современного терроризма. Под печатью времени или эпохой терроризма нами понимается такой «формат» социально-ориентированного бытия, когда миссией и доминирующим смыслом становится ликвидация традиционной рациональности, утверждение нового «порядка вещей» путем нелегитимного, беспредельного, взрывного, цепного, избирательного насилия. В такое время каждый человек становится заложником и потенциальной жертвой этого обстоятельства. Онтологическими истоками современного терроризма выступают вместе с глобализацией социальные практики мобильности, которые «масштабируют» социальные противоречия и конфликты с их деструктивными ближайшими и отдаленными последствиями. Их симптоматикой предстают отчуждение, сегодня в форме социального аутизма, утрата смысложизненных веровательных интенций, девальвация ценности человеческой жизни. Мироззренческими, поведенческими и когнитивными особенностями части молодежи становятся фатализм, фанатизм, радикализм, катастрофическое мышление, аномия, эскапизм, экстремистские настроения. Культурологи даже выделили конгруэнтный эпохе терроризма культурно-антропологический тип человека-логоцентрика [4; 15].

По последним данным более 10 тысяч граждан России «готовы отдать свою жизнь», воюют за запрещенную в России террористическую организацию ИГИЛ. Среди них значительная часть – молодежь, которую легко вербуют с помощью современных информационных и психотехнических технологий, «агрессивного маркетинга» и вовлекают в террор-пространство [25]. Объясняется такой масштаб вовлеченности тем, что современный молодой человек живет в эпоху мобильности и реализует себя в социальных практиках мобильности [14]. Мобильность – доминантная модальность социального бытия, атрибутивный признак практически всех современных социальных практик. Мобильность «прочитывается» как масштабность и скорость множества изменений и трансформаций в социальных реалиях и обществе, как технологическое ускорение всех социальных коммуникаций и действий [6]. Если в широком смысле мобильность предстает как способ движения и изменения, то на субъектном уровне для человека она идентифицируется как интенция и внутренняя готовность к трансформациям с помощью технологий, как проектная активность, гибкость мышления [18]. Для личностного конституирования мобильность означает наличие волевой установки, рефлексивной способности к ускоренной коммуникационной интерактивности. Такого рода мобильность обеспечивают, кроме прочих, такие когниции как рефлексивность, доверие к себе и другому, толерантность к неопределенности. Синергия этих субъектно-личностных качеств формирует ценностную установку мобильности. Сама практика мобильности, несущая такие признаки, как сложность, рискогенность, массовость, хабиутализация, синергичность, восходит к развитым коммуникативным способностям человека. Практике мобильности имманентен широкий диапазон поведенческих паттернов, смена традиционных идентификаций, трансформация самоидентичности.

Однако наряду с вышеперечисленными позитивными выделяются и негативные коннотации мобильных практик, где молодежь себя реализует. Они не только умножают риски социального «бытия», но и порождают множество личных и социальных проблем. Например, будучи мобильным и гибким, современник меняет свой эволюционно-адаптивный вектор от способности развиваться к способности трансформироваться. Если «по определению» акт развития осуществляется в координатах «прошлое–настоящее–будущее», то процесс трансформации не предполагает укорененности в прошлом. Это обстоятельство влияет на отношение к архаике, традициям, исторической памяти, исторической идентичности. Самоощущение и экзистирование в настоящем с проекцией в будущее влекут разрыв с культурно обусловленной, традиционной иерархией смыслов и ценностей. Возникает риск вечного поиска себя в отсутствие социокультурной точки отсчета [19].

В итоге деструктивные последствия высокой эпохальной мобильности проявляются в восхождении к неопределенности и множественным рискам, «амбивалентности» человечества, релятивизации и персональной и социальной жизни, бегстве от свободы выбора и ответственности, отказе от личностного конституирования. Практики мобильности, которые нами понимаются как интенсифицируемые NBIG-технологиями и мультиплицируемые масштабами и скоростью своих изменений социальные действия и коммуникации, изменяют, размывают и стирают границы личного и социального, публичного и приватного, реального и нереального, возможного и невозможного. Пропро-

ведники идей терроризма такую ситуацию используют и помощью технологического воздействия на молодежь с неустойчивой личностной «самостью», порождают «когнитивный дисбаланс» в сознании человека, меняя его ценностные приоритеты и ожидания [23].

С целью верификации значимости фактора мобильности у обучающейся молодежи как потенциального объекта воздействия террористических психотехнологий нами была поставлена цель – исследовать индивидуально-психологические субъектно-личностные качества обучающейся молодежи, выявить корреляцию ценностных приоритетов российского студенчества и констелляцию их личностных качеств. И впоследствии выстроить пирамиду ценностных установок, лежащих в основе самоопределения молодежи. Мы предположили, что современные студенты приоритетной считают такую конфигурацию индивидуально-личностных качеств, которая отвечает модусу социальной вовлеченности и практикам мобильности.

Согласно традиционным в российском обществе представлениям в ценностно-смысловой структуре самосознания «императивной» личности на вершине ценностной пирамиды располагаются идеальные, духовно-нравственные ценности, ниже – так называемые социально-ориентированные ценности, «заточенные» личностно-когнитивным своеобразием. В основании пирамиды – практически-ориентированный, технологически выверяемый и с «эффектом полезности» ценностный функционал.

Релевантными данной модельной пирамиде предстают такие дифференцируемые блоки личностных и субъектно-когнитивных качеств, как: 1) идеальные, духовно-нравственные установки (личное достоинство, чувство социальной справедливости, честность); 2) личностное своеобразие (позитивная идентичность, рефлексивность, ответственность, толерантность к неопределенности); 3) мобильность (доверие к себе и другому, толерантность к неопределенности, коммуникативные навыки). В данной пирамиде могут располагаться и другие иерархически заданные ценности.

Кратко определимся с ключевыми личностно-когнитивными качествами, наличие которых в первую очередь свидетельствует о личностной самозащите и устойчивости к противостоянию технологического террор-воздействия. Философская ретроспектива раскрывает понятие «блага» как идею совершенства и миссию всех разумных конечных существ (И. Канту), как синергию этического и эстетического начал человека (Платон). Современный контекст звучания блага – признание в каждом человеке высшей позитивной ценности или Добра, т. е. того, что служит жизни и любви к ней. Конкретизируется это для человека в потребности самоутверждения. Известно, что именно потребность в самоутверждении – одна из основных причин вступления молодых людей в ИГИЛ [25].

Достоинство человека говорит в факте признания его социального значения, автономности, авторитетности, личностного своеобразия. Оно различается и переживается как осознание своей значимой данности, неповторимости. Семантика понятия «достоинство» указывает на уважение и самоуважение человеческой личности, а также в широком значении достоинство звучит как восхождение к гуманистическому потенциалу человека. Личностное достоинство формируется через строительство отношений с Другим, которому имманентно «добро» и чья инаковость распознается. Для сознания и психики чело-

века функция достоинства состоит в регуляции, самоконтроле, управлении страхом. Отсутствие социального достоинства, унижение личного достоинства, мировоззренческая неуверенность, психологическая уязвимость, самоотрицание, неприятие чужой жизни и достоинства – целевое пространство терроризма.

Достоинство укоренено в позитивной идентичности личности. Её становление возможно при наличии целостной, завершенной и непрерывной самоидентичности. Под идентичностью нами понимается вместе с неосознанным осознанное и рефлексивное самополагание человека. Самоидентичность или «Я-идентичность» – продукт социальных идентификаций, влекущий процессы самоопределения и самоутверждения и каскад личностно-субъектных характеристик – самоуважение, самооценку, самореализацию и т. д. Самоидентичность – свидетельство добровольного выбора в принятии своего образа и следующей за этим ответственности. Смысл и ценность обретения самоидентичности связаны с эксплуатацией и присвоением тех или иных образов [24].

Концепт «позитивной идентичности» личности указывает на модуль самоуважения и сравнивается с позитивной самооценкой [11]. Самополагание как веровательная ценностно-смысловая установка влечет автономный статус личностного бытия, самостность, аутентичное существование, волевою активность, меру индивидуальности. По «определению» позитивная идентичность исключает фрагментарность и несамодостаточность, а также использование возможностей Другого для самоутверждения.

Будучи противоположной позитивной, негативная идентичность конотируется как недосамостность, несостоятельность и неполноценность, фрагментарность и отрывочность личностного бытия, а также как саморазрушение, отрицание, ненависть, одиночество, невроз. Как правило, такая идентичность исключает социокультурный и исторический «генотип» [7].

Наличная «самоидентичность» указывает на принятие ответственности за свободный выбор своего образного замещения. В онтологическом плане личностно-когнитивное качество «ответственность» понимается как способность «дать ответ», отреагировать на поставленный ситуацией вопрос. Эта способность касается и субъектно-когнитивного уровня психики и личностных качеств. В аксиологическом, моральном измерении она регулирует реальное и идеальное, сопрягает сущее и должное. Так, акт «ответственности» предстает как одобрение для себя социально-морального кодекса чести и достоинства. Ответственность влияет на самоменеджмент человека, выделяя его из внешнего мира, инициируя тем самым его проектность, самоконтроль, управление социальным миром. Ответственность влечет поступок как личностное деяние, определяемое свободой выбора.

Ядерное значение для личностного конституирования имеет такая когнитивная способность, как рефлексивность [5]. Она генерализованно воздействует на любое человеческое действие, когнитивный и поведенческий потенциал человека. Рефлексивность – индикатор становления субъектности и личностного уровня человека, его самоидентичности. Генеалогия рефлексивности указывает на первичное значение – сравнительный анализ. Он инициирует такие логические операции, как различение, анализ, синтез. В широком своем значении рефлексия звучит как акт самопознания, обращенность мышления к

осознанию собственных предпосылок и оснований, как критическое осмысление само-деятельности, как способность к анализу, синтезу, сравнению, оценке, что в результате позволяет трансформировать свои действия и поступки в оптике внешней разворачивающейся ситуации. Умение подняться над ситуацией, мета-взглянуть на неё – признак рефлексивности. Личностное конституирование невозможно без рефлексивности, с помощью которой происходит становление аутентичности, автономии, индивидуальности, самостности. Вместе с регулирующей, адаптирующей, коммуникативной функциями рефлексивность играет мобилизационное значение, раскрывает личностный потенциал человека [5]. Рефлексивная способность как способность к самопознанию, самоанализу, самопониманию задает «тон и тонус» понимания Другого, конструирования определенного способа и стиля коммуникации. Особое значение рефлексивные коммуникации играют в нестандартных, нелинейных, открытых, проблемных и рискованных ситуациях, так как мобилизуют личностные и когнитивные ресурсы

Новым, проходящим «апробацию» в психологической диагностике является такое субъектно-когнитивное, личностное качество как «толерантность к неопределенности». Нам она видится как «способность человека принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять несвязанности и противоречивости информации, принимать неизвестное, не чувствовать себя неуютно перед неопределенностью» [1; 9; 10]. Новейшая литература явление «толерантности к неопределенности» различает как личностное качество, как генерализованную личностную способность принять неоднозначность, противоречивость и конфликтность ситуации, выдерживать сопутствующие напряжение и интенсивность при сложившейся неопределенности, сохранять активность и действенность в непрозрачных условиях, в условиях новизны [1].

Живущий и самоопределяющийся в современной социальной практике мобильности с такими доминантными переменными, как неопределенность, случайность, непредсказуемость, нестабильность, хаотичность, а также признаками «вовлеченности» и глобального террористического влияния, человек проблематично сохраняет личностную устойчивость. «Блокировать» это обстоятельство может такое когнитивное качество как толерантность к неопределенности, т. е. способность адекватно отреагировать, «вписаться» в неопределенность ситуации и сохранить при этом личностный ресурс. Кроме индивидуальных личностных особенностей и когнитивно-информационных процессов в психологических исследованиях последних лет она идентифицируется и в качестве коммуникативной нормы в социальном окружении [12].

В оптике постнеклассической методологии и таких её парадигмальных понятий, как неопределенность, риск, саморазвивающаяся среда, множественный выбор, мобильность и др. [17], толерантность к неопределенности – это личностный, самодетерминированный, проективный процесс принятия решений в новой и неопределенной ситуации [3]. На личностном уровне идентификации толерантность к неопределенности выражает открытость к трансформации идентичности, к построению позитивной идентичности, к смене рефлексивных позиций. Толерантность к неопределенности – когнитивная способность принятия ситуаций неопределенности в их неизбежности и неоднозначности

ности. Последствием такой способности видится формирование интенциональности к изменениям и самоизменениям, к новизне и оригинальности.

«Толерантность к неопределенности» относится к универсальному общечеловеческому механизму выбора, способности и акту выбора в процессах принятия решений и указывает на «адаптивность» к мобильности. Если «качеству» и практике мобильности имманентны неопределенность, случайность, неалгоритмизированность, ситуативная обусловленность, то релевантная ей будет личность с доминантным предиктором «толерантности к неопределенности», которая способна уверенно действовать в открытой, нелинейной, непредсказуемой ситуации. В коммуникационном пространстве, в межличностном общении этот показатель различает данность самостности, автономии, настроенности на доверие и последующий диалог. Взаимопроницаемость «толерантности к неопределенности» и автономии личности позволяет ей выдерживать ценностно-смысловые трансформации, кризис идентичности и поиск новой позитивной идентичности. Антитезой «толерантности к неопределенности» является «интолерантность к неопределенности» как дескриптор субъектного и личностного уровня, направленность, ориентация мышления в комбинации с другими когнициями к ясности, однозначности, одномерности, прозрачности. Интолерантность – это отторжение, неприятие неопределенности, стремление к упорядоченности, «законности». Интолерантность к неопределенности – это дихотомическое мышление как разделение всего (идей, ценностей, мнений, интересов, модальностей) на полярности, полярные значения, а также признание доминирующей роли принципов, правил. И отрицание исключений из правил.

Интолерантность к неопределенности может служить индикатором того, что противостоит «рациональности» фигуры террориста, его логоцентрическому мышлению [4]. Маркерами логоцентрического мышления являются бинарное, граничное мышление (добро – зло, черное – белое, враг – друг, красивое-безобразное). Продукт такого мышления – стирание границ между жизнью и смертью, добром и злом. В психологическом дискурсе логоцентрическое мышление идентифицируется как интолерантность к неопределенности. В психодиагностике, например, шкала ИТН говорит об интенции к ясности, о неприятии неопределенности и попытке её менеджмента, о дихотомии правильного и неправильного в отношении принципов, норм, мнений, ценностей. «Декодировать» это возможно как ригидность, консервативность, нетерпимость к противоречиям, неприятие вариативности и оригинальности, как тревогу по факту неопределенностью правил [9]. Согласно нашим представлениям, историческая актуальность «приложимости» понятия «толерантность к неопределенности» к ответу на вызовы современности связана не только с содержательным наполнением концепта «толерантность к неопределенности» в призме объяснения межэтнических проблем, но и в перспективе для валидации антитезы логоцентрического мышления и интолерантных установок, продуцирующих ментальное пространство терроризма.

Доверие – маркер современных практик мобильности. На уровне сознания и самосознания доверие – это форма самопрезентации, ценностно-смысловая установка и ориентация на отношения к себе и к Другому [20; 21]. Функционал доверия способствует обеспечению позитивной идентичности, а также её устойчивости и целостности. За актом доверия стоят самодостаточная

личность, самооткровенность, самопринятие и экзистенциальное переживание себя. Степень доверительности определяет вектор отношения личности к себе и Другому. В социальных коммуникациях, в межличностном общении доверие к другому – «метафизическое» условие антропологического и психологического уровней отношений между людьми. Как способ социального и личного бытия, доверие предстает объективным и субъективным фактом вовлечения человека в социальную реальность, в коммуникационный континуум, в «мобильность», идентифицируемую как поведенческий стиль и паттерн.

В итоге конституирование личности молодого человека в эпоху терроризма с учетом наличия мобильных практик, тотального кризиса идентичностей, рисков со стороны технологического воздействия идеологов терроризма влечет поиск источников по сохранению личностного достоинства, позитивной идентичности, рефлексивного самоутверждения, толерантности к неопределенности, доверия к себе и другому. Выделение вышеназванных ценностных установок и личностно-когнитивных качеств асимметричны личностным особенностям фигуры террориста. Эта фигура демонстрирует внеморальность своей недо-личности, человеконенавистнические установки, негативную идентичность, логоцентрическое мышление, интолерантность к неопределенности [22]

С целью подтверждения наших теоретических выводов о новой конфигурации ценностных приоритетов в сознании обучающейся в высшей школе молодежи, о тех субъектно-когнитивных и личностных качествах, которые становятся «уязвимыми» для манипулятивного технологического воздействия террористов, с 2011 г. по настоящее время нами проводятся ряд социологических и психологических исследований на базе вузов г. Твери, что позволяет мониторить «наличные» ценностные приоритеты, идентифицировать «кривые» и неустойчивые личностно-когнитивные состояния у студенческой молодежи, реализующей себя в практиках мобильности, в условиях влияния технологий терроризма [2; 8; 13; 16]. В исследованиях 2011-2013 гг. приняло участие более 1500 студентов. Полученные результаты подтверждают у студентов выбор в пользу мобильности как ценности доверия, толерантности, коммуникации. Второй этаж пирамиды – когнитивная сложность мышления (просоциальное мышление, ответственность, рефлексивность, профессиональная компетентность). Ниже в иерархии ценностных предпочтений – духовно-нравственные идеалы (достоинство, социальная справедливость, честность).

Что демонстрируют результаты исследований? Личностное конституирование, формирование самоидентичности в практиках мобильности требует особых субъектно-когнитивных и личностных качеств. Обучающаяся молодежь выбирает мобильность как ценностный приоритет и релевантные когнитивно-личностные качества (доверие, коммуникативные навыки, рефлексивность, толерантность к неопределенности). В самоидентичности молодого человека духовно-нравственные ценности остаются на «периферии» сознания. Такая ситуация провокативна для психотехнологий, используемых террористами. Но в первую очередь она предстает вызовом для педагогического отечественного сообщества и «кричит» о необходимости в образовательных практиках акцентировать внимание на новых способах и средствах формирования новых образов, самоидентичности молодежи с учетом особенностей практик мобильности.

Список литературы

1. Бардиер Г. Комплексные методы исследования толерантности // Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 239–277.
2. Вызовы современности: ценностные императивы и социальное знание / под ред. Е.А. Евстифеевой, Э.Ю. Майковой. Тверь: ТвГУ, 2016. 160 с.
3. Гусев А.И. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 300–329.
4. Давыдов А.П. Социокультурные типы в науке об обществе. К типологии ментальности. Статья 2 // Философские науки. 2016. № 3. С. 113–127.
5. Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных процессов управления. М.: ИП РАН, 2000. 283 с.
6. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
7. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. №1. С. 37–48.
8. Конструируя качество жизни: современные модальности и социально-психологические риски: монография / под ред. Е.А. Евстифеевой, А.А. Тягунова, С.И. Филиппченковой, С.В. Рассадина. Тверь: ТвГТУ, 2015. 188 с.
9. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. №1. С. 74–86.
10. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110.
11. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 12–41.
12. Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А. Толерантность к неопределенности в контексте социальной поддержки: гендерная специфика в юности // Нац. психол. журнал. 2017. № 2(26). С. 98–105.
13. Мамедова Э.М., Евстифеева Е.А., Филиппченкова С.И. Личностный потенциал молодежи и психологические предикторы завистливости личности: опыт исследования // Саморазвивающаяся среда технического университета: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 10 февраля 2017 г. Тверь: в 3 ч. Тверь: ТвГТУ, 2017. Ч. 3. С. 98–106.
14. Зарубина Н.Н. и др. «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.
15. Пелипенко А.А. Свобода в культуре // Культура vs свобода: материалы круглого стола в рамках IV Московского форума культуры

- «Культура как стратегический ресурс России в XXI веке» (Москва, 24 апреля 2013 г.). М.: МГУКИ, 2014. С. 123–133.
16. Подолько Е.О., Филиппченкова С.И. Рекрутирование элиты в образовательных практиках // *Философия образования*. 2012. №5 (44). С. 29–35.
 17. Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. 672 с.
 18. Пржиленский В.И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 176 с.
 19. Сергейчик Е.М. Историческая идентичность: территория и карта // *Вестн. СПбГУ. Сер. 17*. 2016. Вып.1. С. 63–71.
 20. Скрипкина Т.П. Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // *Развитие личности*. 2011. № 3. С. 111–131.
 21. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: ACADEMIA, 2000. 264 с.
 22. Современные социальные практики: технологические подходы, векторы и траектории развития / под ред. Е.А. Евстифеевой, А.А. Тягунова, С.И. Филиппченковой. Тверь: ТвГТУ, 2017. 160 с.
 23. Соснин В.А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 344 с.
 24. Харченко А.Ю. Конфигурация идентичностей и риск ответственности в социальных практиках мобильности: автореф. дисс. ... канд филос.наук. М., 2017.
 25. Юревич А.В. Причины вступления молодежи в ИГИЛ: социально-психологический анализ // *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики*. 2016. Вып. 2. (78). С. 24–31.

PERSONALITY CONSTITUTION IN MOBILITY PRACTICES

E.A. Evstifeeva, S.I. Filippchenkova

Tver State Technical University, Tver

The article is aimed at justifying that young people, who share the practices of mobility and live under the global terrorism threat, do not share the spiritual and moral values traditionally accepted in Russian society. Mobility appears today as the presence of a volitional dominant, internal readiness for transformations with the help of technology and reflexive ability for accelerated communication interactivity in the personal constitution process. This kind of mobility is provided by personality-cognitive qualities: reflexivity, self-confidence and trust in others, tolerance to uncertainty. The synergy of these subject-personal qualities forms the value dominant of mobility. The authors come to the conclusion that the personal constitution, the self-identity formation of young people in higher education understood as the practice of mobility is focused on special cognitive-personal qualities.

Keywords: *mobility practices, student youth, configuration of cognitive-personal qualities, spiritual and moral values, reflexivity, trust, tolerance to uncertainty.*

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующая кафедрой психологии и философии; ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

ФИЛИППЧЕНКОВА Светлана Игоревна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии; ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Authors information:

EVSTIFEEVA Elena Alexandrovna – PhD, Professor, Vice-Rector for Personnel Development, Head of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru

FILIPPCHENKOVA Svetlana Igorevna – PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru